

УДК 82(091)

В. И. Пинковский**ЭТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КАТЕГОРИИ ВКУСА
ВО ФРАНЦУЗСКОМ XVIII ВЕКЕ**

Настоящая работа посвящена иллюстрации следующего положения: во французской культуре XVIII века категория вкуса имеет не только эстетическое значение, но и этическое измерение. Материалы для наблюдения отобраны по принципу убывающей — от общего к частному — градации: крайне общий смысл понятия — использование понятия в типичной художественной продукции эпохи — лично окрашенное использование понятия.

Ключевые слова: французская поэзия XVIII века, дидактическая культура, классицизм, вкус, этический аспект.

В 1791 г. гравер и писатель Шарль-Этьен Гоше (1741–1804) завершил капитальный труд по иконологии, которую автор трактует следующим образом: «Иконология должна быть в некотором роде кодом художников во всех областях искусства; она не только объясняет фигуры, изображенные на старинных монументах, медали, высеченные в камне изображения, но подсказывает еще и выбор, который должно делать среди моральных и метафизических явлений, чтобы придать аллегории выразительность, чувство, свойственный ей поэтический характер» [5, р. VII].

Среди примерно трехсот важнейших понятий европейской культуры, накопленных ею к исходу XVIII века, этих, как мы сказали бы сейчас, концептов, которые воплощены в гравюрах и снабжены пояснительными текстами, присутствует и «Вкус». Эмблема представляет собой изображение женщины с соколом на руке и удилами у ног. Согласно убеждению древних, объясняет Гоше, сокол не клюет испорченное мясо, а удила напоминают о том, что вкусу необходима «узда воздержности», чтобы он «не вредил здоровью» [6, р. 71].

Современного читателя в этом объяснении удивляет выдвигание на первый план физиологической составляющей понятия, затем — связанной с ней моралистической (вкус ориентирует в выборе между «здоровым» и «нездоровым», а кроме того — умеряет пристрастия) и полное отсутствие эстетической. Ни слова о вкусе применительно к искусству (и ни изображения!). А между тем мы помним, что вкус — одна из важ-

Пинковский Виталий Иванович — доктор филологических наук, доцент
(Северо-восточный государственный университет, Магадан); e-mail: alennart@maglan.ru

© Пинковский В. И., 2014

нейших категорий классицистической эстетики, которая в XVIII веке все еще очень влиятельна. Объяснить отсутствие столь ожидаемого нами элемента не сложно: для Гоше и его современников важны базовые значения понятия; частные, специальные — опускаются. Разумеется, в словесной художественной практике «эстетическую частность» обойти невозможно.

Чтобы проследить, как обобщенные смыслы культуры *нормально* преобразуются в индивидуальном использовании, необходимо обратиться к творчеству типичного, то есть среднего, поэта эпохи. Таким поэтом был Ф. — Ж. де Пьер де Берни (1715–1794), автор произведений в разных жанрах, хотя и написавший дидактическую поэму «Четыре сезона, или Французские Георгики» (1763 г.) и ряд дидактических посланий, но не зачисляемый французскими историками литературы в дидактические поэты по преимуществу, что является для нашего выбора именно этого автора принципиальным: моралистическая поучительность не превышает в творчестве де Берни некую обычную для культуры эпохи меру. Более того, будучи блестящим придворным и дипломатом (министр иностранных дел при Людовике XV, затем посланник в Риме), кардинал водил в Венеции дружбу с Джакомо Казановой; молодому де Берни приписывают также достаточно вольные для человека церкви произведения (пародия на непристойную «Оду Приапу» А. Пирона), обнаруживающие в авторе отсутствие нравственного ригоризма [3, р. 1299–1300]. Личность де Берни — это умеренное проявление характерного для XVII–XVIII веков типа «французского аббата»: государственный деятель — но без особых заслуг (не Ришелье, не Мазарини и не Талейран), любитель светских развлечений — но не до степени профанации сутаны (не Д. Санген де Сен-Павен), литератор — но со способностями ратора, а не художника (не А. Прево). Несколько посланий де Берни (40-е гг. XVIII в.) посвящены тем же понятиям, что и статьи «Иконологии...» Ш. — Э. Гоше, в частности — «О вкусе».

Де Берни выступает сторонником «естественности» в искусстве, которая понимается как умеренность и ясность, то есть отсутствие «легкомысленных отклонений от природы» как в сторону избыточной пышности, так и в направлении излишней утонченности. Характеристика последнего «отклонения» особенно интересна:

L'art trop heureux d'instruire et d'amuser
Est devenu l'art de subtiliser,
L'art de donner, au gré de l'imposture,
Tout à l'esprit et rien à la nature.
On ne rit plus, on sourit aujourd'hui;
Et nos plaisirs sont voisins de l'ennui [2, p. 107–108].

(Искусство, столь счастливое наставлять и развлекать, стало искусством вдаваться в мудреные тонкости, превратилось в искусство давать, по воле обмана, все разуму и ничего естеству. Сейчас не смеются больше, но улыбаются, и наши удовольствия соседствуют с тоской.)

Ключевой образ этого пассажа – улыбка, противопоставленная смеху. Смех выражает полноту и потому – определенность, ясность, однонаправленность чувства. Он может быть веселым, горьким, издевательским, безумным и так далее. Каким он не может быть, так это неопределенным по своей сути. Смех могут неправильно истолковать, могут не понять его содержательного наполнения, но это говорит не о сути смеха, а лишь об ошибках восприятия. Энергия и цельность смеха не оставляют места нюансировке и уж тем более многослойности его состава, да еще такой, чтобы составные элементы противоречили друг другу.

Улыбка – иное дело. Конечно, есть улыбка, эквивалентная смеху, так сказать, менее экспрессивное проявление однозначного чувства; есть этикетная улыбка с закрепленным значением. Но не о таких улыбках идет речь в послании де Берни. Поэт фактически говорит об улыбке, выражающей сложность душевной жизни («удовольствие соседствует с тоской»), хотя говорит об этом в недостаточной для выражения смысла, но привычной для риторической культуры форме контрастной оппозиции. Между тем жизнь души, как это известно нам и ощущалось интуитивно задолго до нас, далеко не исчерпывается симметричными проявлениями, для нее скорее характерно протекание в неких смешанных состояниях, не только внутренне противоречивых, но и в оттеночных пределах основного испытываемого чувства. Улыбка – в том числе одно из внешних проявлений текучих, переходящих из одного в другое тонких внутренних состояний. Неясность выражаемого ею смысла делает улыбку объектом приложения не законов естества, ограниченных дидактической культурой до степени понятности, а интеллектуальных усилий – с нетвердой уверенностью в их успехе («искусство давать... все разуму и ничего естеству»).

Чтобы почувствовать, в каком контексте могли восприниматься попытки нетривиального выражения движений души, достаточно обратиться к другому фрагменту из этого же послания:

Fuyez encore les tours trop délicats,
Des *concetti* l'inutile fracas,
Tous les faux jours des *tournures* nouvelles,
D'un fade auteur pénibles bagatelles.
En aiguisant, en limant de trop près,
L'art affoiblit la pointe de ses traits;
Trop de recherché avilit la peinture,
Et d'un tableau fait une miniature [2, p. 106].

(Избегайте еще слишком утонченных выражений, бесполезного треска остроловия, фальшивого блеска новых оборотов, всех этих вымученных безделушек пошлых авторов. Слишком оттачивая и шлифуя, искусство притушает свои орудия. Излишняя изысканность ухудшает картину, превращая ее в миниатюру.)

В основном это, конечно, варьирование советов из «Поэтического искусства» Н. Буало, доказавших свою живучесть тем, что даже в «Искусстве поэзии» П. Верлена, направленном против поэтологической доктрины знаменитого классициста, повторяются некоторые идеи из трактата XVII века (предостережение от острот). Однако среди вполне «общих» рекомендаций де Берни есть одно, противоречащее Буало, — призыв не слишком усердствовать в отделке произведения (ср. у Буало: «отдельвайте стих, не ведая покоя, шлифуйте, чистите, пока терпенье есть» — пер. Э. Л. Линецкой). Это, несомненно, не является восхвалением небрежности. В аспекте рассуждений де Берни о вкусе этот призыв означает не столько неприятие утонченности, сколько возражение против измельчания искусства, которое видится в обретении им более частного характера. Образ миниатюры, символизирующий такое искусство, очень показателен.

Миниатюра не просто маленькое произведение. Это произведение, хоть и не предназначенное исключительно для «малого круга» воспринимающих его, но в пределе, в отличие от картины, могущее служить одному-единственному человеку (миниатюра в медальоне). Миниатюра сужает пространство: рассматривая картину, мы отходим назад, рассматривая миниатюру, приближаемся к ней, вплоть до того, что берем её в руки и подносим к себе, а миниатюра на личных вещах (табакерка, шкатулка, зеркальце и т. п.) буквально сопутствует человеку, соприкасается с ним ежедневно. Миниатюра в значительно большей степени ассоциируется со сферой частной жизни, чем настенная или станковая живопись (не случайно снижение интереса к прикладной миниатюре происходит параллельно с развитием в XIX веке фотографии, ставшей на службу личным и семейным «изобразительным» потребностям).

Кардинал де Берни, ополчаясь на «миниатюризм» (и на «улыбку»), возражает, по сути, против излишней приватности в содержании произведений, которая угрожает общепринятым нормам вкуса. Именно эти нормы обеспечивают моральный климат в обществе. Во вступительной речи во Французскую академию де Берни трактует вкус как качество, способствующее «смягчению грубости нравов, сглаживанию варварского стиля книг, одушевлению познания, приведению разума на путь истины, постепенному расширению круга наших знаний» [1, p. 16].

Вообще, при знакомстве со многими текстами XVIII века часто складывается впечатление, что для их авторов понятия «вкус» и «мораль» являются синонимами. Масштаб таланта и даже нравственный вектор творчества, кажется, не влияют на наличие этого общего признака. Из-

вестный и авторитетный К. – Ж. Дора (1734–1780) заявлял: «...я вовсе не претендую на звание моралиста <...> Я всего лишь причисляю себя к тем, кто имеет вкус...» («...je ne prétends point m'ériger en moraliste <...> Je ne m'attacherai donc qu'à la partie du goût...») [4, p. 6]. Но и такой мало-значительный поэт, как Ж. Лабле (1751–1841), представляя избылиующий эротическими вольностями текст некоего «молодого автора, пожелавшего остаться неизвестным» (скорее всего, свой собственный), считает себя обязанным на всякий случай уверить читателя, что «вкусы» этого поэта не позволяют ему создавать «апологию сладострастия» [8, p. VI].

Тесная взаимосвязь этики и эстетики логично ведет защитников традиционной морали в XVIII столетии к мысли о том, что своеволие вышедшего из этикетных рамок вкуса самым непосредственным образом влияет на нравственность и на состояние поэзии. Н. Жильбер (1750–1780) в своей знаменитой сатире «XVIII век» (1775 г.) утверждал: «Падение искусств следует за упадком нравов» (La chute des arts suit la perte des mœurs) [7, p. 13] и видел опасность для поэзии в излишне свободном проявлении поэтами индивидуальных вкусов:

Chaque genre varie au gré des écrivains,
Et ne connoit de lois que leurs caprices vains [7, p. 24].

(Каждый род меняется по воле писателей и не ведает иных законов, кроме их тщетных капризов.)

Утверждение столь прямой (хочется сказать – прямолинейной) зависимости эстетических достоинств произведений от нравственности их создателей объясняется характерным для XVIII столетия противостоянием традиционалистов (в широком смысле слова) и «философов» (т. е. просветителей). Вероятно, известное выражение «Не следует спорить о вкусах и цветах (красках)» (Des goûts et des couleurs il ne faut pas disputer), которое всегда принято было понимать как оправдание субъективных предпочтений, во французском XVIII веке могли трактовать иначе: для нормального (здорового) зрения трава – зеленая, море – синее, снег – белый и так далее – о чем же спорить? То же относится и к вкусам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bernis F.-J. de Pierre, cardinal de. Discours sur la poésie // Oeuvres de François-Joachim de Pierre, cardinal de Bernis: 2 vol. T. 1. P.: Dabo, Tremblay, Feret et Gayet, 1819.
2. Bernis F.-J. de Pierre de. Sur le goût // Poésies diverses du cardinal de Bernis. P.: A. Quantin, 1882.
3. Cardinal de Bernis // Anthologie de la poésie française: XVIII s., XIX s., XX s. / par Martin Bercot, Michel Collot et Catriona Seth. P.: Gallimard, 2000.
4. Dorat C.-J. Réflexions sur le conte // Dorat, C.-J. Contes et nouvelles. P.: L. Lefilleul, 1882.
5. Gaucher Ch.-É. Discours préliminaire // Iconologie, ou Traité de la science des

- allégories, en 350 figures gravées d'après les dessins de MM. Gravelot et Cochin, avec les explications relatives à chaque sujet / par Ch.-É. Gaucher: 4 vol. T. 1. P.: Lattré, s. a.
6. Gaucher Ch.-É. Goût // Iconologie, ou Traité de la science des allégories, en 350 figures gravées d'après les dessins de MM. Gravelot et Cochin, avec les explications relatives à chaque sujet / par Ch.-É. Gaucher: 4 vol. T. 1. P.: Lattré, s. a.
 7. Gilbert N. Le dix-huitième siècle // Poésies diverses de Gilbert. P.: A. Quantin, 1882.
 8. Lablée J. Avertissement // Essais de poésies légères, suivis d'un songe, par MM. Lablée et Maréchal. S. l., 1775.

* * *

Pinkovsky Vitaly I.

ETHICAL COMPONENT OF THE CATEGORY OF TASTE IN FRENCH XVIII CENTURY

(Northeast state university, Magadan)

The present work is devoted to an illustration of following position: in French culture of the eighteenth century, the category of taste has not only aesthetic value, but also ethical dimension. Materials for monitoring are selected according to the principle of diminishing grades: from the general to the particular — very common sense concepts — using concepts in a typical artistic production of an epoch — personal painted use of the concept.

Key words: the French poetry of XVIII century, didactic culture, classicism, taste, ethical aspect.

REFERENCES

1. Bernis F.-J. de Pierre, cardinal de. Discourse on Poetry, *Oeuvres de François-Joachim de Pierre, cardinal de Bernis* in 2 vol. Vol. 1. Paris, Dabo, Tremblay, Feret et Gayet, 1819.
2. Bernis F.-J. de Pierre de. On Taste, *Poésies diverses du cardinal de Bernis*, Paris, A. Quantin, 1882.
3. Cardinal de Bernis, *Anthologie de la poésie française: XVIII s., XIX s., XX s.*, par Martin Bercot, Michel Collot et Catriona Seth, Paris, Gallimard, 2000.
4. Dorat C.-J. Reflections on Storytelling, *Contes et nouvelles*, Paris, L. Lefilleul, 1882.
5. Gaucher Ch.-É. Preliminary Discourse, *Iconologie, ou Traité de la science des allégories, en 350 figures gravées d'après les dessins de MM. Gravelot et Cochin, avec les explications relatives à chaque sujet* in 4 vol. Vol. 1. Paris, Lattré, s. a.
6. Gaucher Ch.-É. A Taste, *Iconologie, ou Traité de la science des allégories, en 350 figures gravées d'après les dessins de MM. Gravelot et Cochin, avec les explications relatives à chaque sujet* in 4 vol. Vol. 1. Paris, Lattré, s. a.
7. Gilbert N. The Eighteenth Century, *Poésies diverses de Gilbert*, Paris, A. Quantin, 1882.
8. Lablée J. Avertissement, *Essais de poésies légères, suivis d'un songe*, par MM. Lablée et Maréchal. S. l., 1775.

* * *